

И какъ странно звучать слова Толстого о полномъ, цѣлостномъ внутреннемъ убѣжденіи христіанина въ его пути и дѣлѣ:

«Человѣкъ, вѣрующій въ ученіе Христа, такъ же мало можетъ спрашивать—что ему дѣлать, какъ источникъ воды, бьющій изъ земли; онъ течетъ, напоая землю. траву, деревья, птицъ. То же дѣлаетъ и человѣкъ, вѣрующій въ ученіе Христа о жизни».

Но знаніе того, что дѣлать въ данномъ случаѣ, есть знаніе не головное, не отъ разума, но отъ непобѣдимаго внутренняго влеченія. Знать истину—значить жить въ истинѣ. Внутренно мыслитель такъ и жилъ, но внѣшне онъ слишкомъ оставался «съ нами», съ міромъ «наружнымъ», продолжая заниматься литературой, дѣломъ внѣшняго міра сравнительно съ задачей его религіозной жизни. Воспринявъ истину, онъ теоретизировалъ по поводу ея, доказывалъ ее, всячески утверждалъ, убѣждая не только другихъ, но, по видимому, и себя. Имъ нарисованъ образъ чистаго христіанина, непобѣдимо идущаго по дорогѣ божественнаго призванія. Но между нимъ самимъ и этимъ христіаниномъ такая же разница, какъ между вдохновеннымъ и наивнымъ сектантомъ временъ «гоненій на христіанъ» и какимъ-либо горячо вѣрующимъ, но занимающимся съ усердіемъ богословіемъ и проповѣдями Василиемъ Назіанзиномъ, ко-